

КОНФЛИКТ И КОНСЕНСУС В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ США, ПОСВЯЩЕННОМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Дниэль Аарон, ученый и критик, исследуя освоение темы Гражданской войны американскими писателями, отмечает, что она породила больше исторических исследований, биографий, мемуаров, исторической беллетристики и поэзии, чем все остальные американские войны, вместе взятые, ссылаясь, вместо объяснения причин подобного интереса, на слова Томаса Биара: «война в физическом смысле окончилась в 1865 г., но ее политические последствия могут проявиться и около 3000 г.»¹

Вместе с тем до 20-х гг. следующего столетия Гражданская война не вдохновила ни одного шедевра, за исключением «Алого знака доблести» С. Крейна. Шервуд Андерсон имел все основания заключить в 1916 г., что «ее подлинный дух еще не проник на страницы печатной книги»². Этому способствовали две основные причины. Первая - отсутствие необходимой исторической перспективы, с высоты которой можно было бы объективно оценить исторический опыт войны между Севером и Югом, как выразил ее литературный критик *Scribner's Magazine*, «писатель средних лет в 1900-е гг. слишком молод, чтобы самому быть участником войны, но слишком близок к ней, чтобы воспринимать ее как эпос». Вторая причина заключалась в засилии литературной традиции «нежного реализма», исключавшей, по словам Аарона, «некоторого рода опыт, и не удивительно, что территория простого солдата была выведена за пределы литературы американскими цензорами от культуры».⁴ Блестящие победы реализма в американской литературе в 20-е годы сделали эту территорию наконец-то доступной для эстетического освоения историческими романистами и появления нового типа исторического романа о Гражданской войне, о котором Фред В. Миллет писал, что «реализм и импрессионизм неисторического современного романа в юнце концов породили тип романа, романтического по тону, но традиционного (то есть реалистического - Т.К.) по технике письма»⁵.

Первым проявлением этого нового типа исторического романа о Гражданской войне стал роман Джеймса Бойда «Маршируя» (1927), положивший начало огромному количеству романов на тему Гражданской войны.

Американской истории присущ консенсус, и американский исторический роман XX в.

о Гражданской войне является иллюстрацией этой тезы, хотя он и посвящен антагонистическому конфликту в жизни страны, каким была Гражданская война. Американский исторический роман 20 - 30-х гг. подчеркнуто пацифичен. Авторы исторических романов о Гражданской войне (М. Кэнтор. Х. Аллен) отказываются от глубокого социального анализа ее причин и характера, свойственных роману Джеймса Бойда, и трактуют ее как трагедию, равную для обеих сторон.

Философия истории Аллена Херви, политическая идея и идеал которого - мир, средство их достижения - любовь, а война -

любая, в том числе и Гражданская, - преступление против личности, результат интриг политиков, их неумения решить противоречия мирным путем, обусловили тему его романа, вынесенную в его заглавие, - «Битва при Аквиле» (1937). Битва при Аквиле была одним из самых незначительных событий Гражданской войны - отвлекающий маневр со стороны Конфедератов, призванный обмануть противника, чтобы суметь беспрепятственно отвести остаток войск к Ричмонду. Историки почти проигнорировали ее. «О ней едва ли знали достаточно хорошо, чтобы забыть, на нее просто сразу не обратили внимания», - с горечью подводит итог автор. Но сотни людей были убиты и искромсаны там, и потому для автора она не менее интересна, чем крупные сражения, решившие исход войны. Ненужное геройство и неоправданные жертвы - вот что такое, по мнению Аллена, эта битва, фрагмент маневра конницы в тот ноябрьский день, да и вся Гражданская война в целом, что он и подчеркивает всем ходом своего повествования, построением сюжета, расстановкой главных действующих лиц, выбором героев и своеобразием типизации, лежащей в основе создания их образов. По одну сторону - политические силы и соображения, по другую - доброта, мужество людей, их любовь. Для выражения своей глубоко гуманной идеи о Войне и Мире автор создает характеры, отличающиеся приматом общечеловеческого, образы Мужчины и Женщины, которые в условиях беспредела войны ищут и находят пути к человечности, к торжеству, хотя бы в их жизнях, вечных ценностей. Спасение, по мысли автора, лежит вне политики, в сфере человеческих взаимоотношений. Предпоследняя глава романа называется «Нерушимый Союз» - идеологическое клише, бывшее в большом ходу на Севере до и во время Гражданской войны. Но речь в ней идет не о союзе штатов, во имя сохранения которого война и велась, а о союзе действительно нерушимом, союзе между северянином и южанкой, полюбившими друг друга и вместе сумевшими преодолеть смерть зимой в занесенном снегом домике в горах. Доброта, любовь, сочувствие, взаимопонимание сохраняют, по мысли автора, мир и жизнь, но не политика и война.

Философия истории автора определяет и конфликт в его романе. В «Битве при Аквиле» конфликт двойной. Менее значительный - внешний, проявляющийся в столкновении при Аквиле войск южан и северян, конфликт политический, военный. Но для выражения авторской идеи гораздо важнее конфликт внутренний, психологический - конфликт человека с войной и нетерпимостью, порожденной ею, выражающийся в неприятии героями жестокости войны и человеконенавистнической идеологии, являющейся ее следствием.

Как ни парадоксально, в сцене битвы при Аквиле нет военных героев. Во время жестокой бойни подлинными героями, по мысли автора, являются не те, кто уничтожает друг друга, хотя и во имя высокой цели, а те, кто пытается спасти людей, кем движут доброта и любовь; доктора Хольцмайер и Уилсон, хотя и принадлежащие к противоборствующим сторонам, но оперирующие нарядом поставленных столов как своих, так и чужих; поспешившая к ним на помощь миссис Криттенден; Маргарет Криттенден и

Флосси, пустившиеся снежной ночью разыскивать на поле брани своих любимых. Автор романа безоговорочно за союз штатов, но обеспечить существование союза следовало иным, не военным, путем. По-своему откликаясь на идею мессианской роли США, присущую официальной идеологии и массовому сознанию, ставшую одним из краеугольных камней национальной мифологии, Аллен видит ее в том, что его стране следует стать оплотом мира во всем мире; «Эти благословенные вздымающиеся одна за другой горы качали колыбель новой, наверное, лучшей расы – североамериканцев. А надеждой этой расы был мир. Потому что, если что-то и было в Америке «нового и лучшего», так это надежда на мир – мир на более надежном, широком, континентальном уровне, которого когда-либо удавалось достичь».⁶ Аллен не признает исторически прогрессивное значение Гражданской войны и победы Севера, что особенно ярко демонстрирует эпилог романа. В нем почти восьмидесятилетний герой приезжает в Филадельфию и присутствует на проводах добровольцев на Испанскую войну. Воинственный патриотизм и напыщенные речи напоминают ему аналогичные мероприятия в дни его зрелости (Гражданская война) и юности (Мексиканская война). С едким сарказмом высмеивает он политиканов, замыкающих торжественную процессию, сравнивая их с проституткой времен Гражданской войны, которая со своим борделем стремилась не отстать от маневрировавших частей, объясняя свою расторопность патриотическими мотивами – тем, что она «следует за флагом». Они тоже «следуют за флагом», составляя, по горькому замечанию автора, «похоронную процессию республики». Аллен считает, что вопрос о рабстве был второстепенным вопросом Гражданской войны, основное же ее содержание составляла борьба за власть (поэтому никогда не поднимает эту тему в романе), Гражданская война, по его мнению, развязала руки федеральному правительству, многократно усилив его, и таким образом положила начало эпохе агрессивного внешнеполитического курса, направленного на захват все новых и новых территорий, эпохе нескончаемых колониальных войн. Поэтому он ставит Гражданскую войну в один ряд с другими захватническими войнами.

Ярким проявлением историографической концепции, отмечающей миф об особом историческом пути Соединенных Штатов, настаивающей на том, что история страны подчинена и развивается согласно всеобщим социально-экономическим законам, отраженной в историческом романе США 70 – 80-х гг., стал роман М. Шаары «Ангелы-убийцы» (1974). Этот роман, навеянный негритянскими волнениями 1968 г. и войной во Вьетнаме, описывающий три дня Геттисбергской битвы, посвящен философским проблемам сущности человека, сути войны вообще и гражданской, в частности. Метафорой своего заглавия роман обязан эпизоду из воспоминаний одного из героев, рассказывающего о том, как в детстве, когда он учил вслух вдохновенные слова Гамлета о человеке, в деяниях своих подобного ангелу, отец героя мрачно заметил: «если он ангел, то наверняка ангел-убийца»⁷. Эта метафора точно отражает

концепцию Человека на войне Майкла Шаары. Его герои вдохновенно убивают и умирают не потому, что inferнальное Зло или инстинкт саморазрушения движут ими. Герои романа, как северяне, так и южане – Ли, Лонгстрит, Армистед, Иуэлл, Чемберлейн, Килрейн, Бафорд – не жаждут крови и даже не ненавидят врага. Друзья, разведенные войной по разные стороны линии фронта, воюющие друг против друга, остаются друзьями (Армистед – Хэнкок); генерал Лонгстрит, второе по значению лицо в армии Конфедератов, говорит о противнике: «Эти парни в голубом никогда по-настоящему не были нашими врагами»⁸, и вспоминает времена, когда он командовал ими, когда в предыдущей Мексиканской войне они были одной армией; а северянин полковник Чемберлейн даже во время боя восхищается противником и жалеет его, а в перерыве между двумя жестокими схватками замечает: «На этой войне мы убиваем братьев»⁹; солдаты враждующих сторон гордятся друг другом, потому что осознают себя одним народом.

Убивать друг друга людей заставляет извращенная логика войны, войны гражданской. Тема романа – поллиная трагедия единого народа, связанного братскими узами, но разделенного противоположными убеждениями, и потому сошедшего в смертельной схватке.

Роман Шаары создан в русле тенденции изображения Гражданской войны, наметившейся в американском историческом романе в 70-е гг., продемонстрированной популярным романом Роберта Фаулера «Джим Манди» (1977), отмеченной отсутствием тенденциозности, беспристрастностью, или равным пристрастием к обеим воюющим сторонам. Шаара старается понять и воссоздать «правду» как одной, так и другой стороны; беспристрастность его намерения призваны передать четыре эпиграфа к четырем частям романа, подчеркивающие авторскую позицию и оценивающие Гражданскую войну с точки зрения позиций то Севера (два эпиграфа), то Юга (тоже два). Несколько большее внимание, уделенное в романе южанам, обусловлено ущербностью их нравственной позиции в Гражданской войне, тем, что Юг эту войну развязал. Психологическим центром повествования становится внутренний конфликт, разлад, переживаемый Главнокомандующим армии Конфедерации генералом Ли и его правой рукой генералом Лонгстритом. Оба они не верят в Правое Дело, они были против войны, они, командиры армии Союза Штатов, нарушили присягу Союзу, но, по автору, трагедия гражданской войны в том и состоит, что безжалостная логика раскола страны заставила их пойти против своих убеждений, чести, друзей, присяги ради защиты своих близких. Драматизм образов Ли, Лонгстрита, Армистеда, Пендера не только сообщает психологическую глубину роману, но и, выводя автора на уровень воссоздания идеи истории, как она осмысливалась его героями, помогает ему разобраться в том, во имя чего война велась. Большинство его героев – южан не отдают себе отчета в действительных причинах войны, с возмущением отвечая, что воюют они не за рабство, а за свои права и свободу, свободу от сильного центрального

правительства. Их вдохновляет вера в исключительность Юга, исключительность своей армии, воюющей за правое дело, в ее непобедимость. Лонгстрит относится к этой массовой эйфории скептически и прекрасно осознает суть войны: «...Война велась из-за рабства. Лонгстрит воевал не за него, но война велась из-за этого»¹⁰. Он относится к войне как профессионал, и только в ночных кошмарах позволяет себе переживать ее как кошмар, в котором он воюет против друзей, с которыми вместе рос и служил. С еще большим драматизмом осмысливает свою позицию генерал Ли: «... он воевал не за Дело, и не за страну, не за идеалы и не за справедливость. Он воевал за своих родных, за своих детей, даже не за землю, потому что даже земля не стоила войны, но люди стоили, как ни были они неправы, как ни были безумны многие из них. Он принадлежал им, он был частью их. Итак, он взялся за оружие по своей воле, осознанно, защищая неправое дело, нарушив свою священную клятву защищать землю, на которую посягнул, но у него не было выбора... Он нарушил клятву и заплатит за это. Он знал это и примирился с этим»¹¹. Впервые в американском историческом романе о Гражданской войне автор глубоко проникает в психологию воюющих южан не из среды охваченных патриотической истерией масс, но людей интеллектуальных, мыслящих, стоявших во главе армии.

Северяне, представители разных социальных групп и интеллектуального уровня, на уровне идеи истории по-разному осмысливают суть войны, но все – от практика Килрейна до теоретика, рефлектирующего интеллигента, идеалиста Чемберлейна, понимают, что причина войны кроется не только в рабстве, но во враждебности буржуазной демократии самого уклада жизни на Юге, который поэтому следует сломать. Наиболее глубоко этот прогрессивный демократический характер войны со стороны Севера понимает профессор филологии Чемберлейн, хотя и воспринимает его в духе просветительских идеалов и в рамках Американской мечты: «Америка стала первым местом на земле, где человек значил больше, чем государство. Настоящая свобода началась здесь и отсюда она постепенно распространится по всей земле... Если люди будут равны в Америке, они будут равны везде... Француз может воевать за Францию, но американец воюет за человечество, за свободу, за народ, а не за землю. Недаром повидавший виды Килрейн называет Чемберлейна идеалистом.

С образом Чемберлейна связана тенденция, проявившаяся в американской литературе в 70-е гг. и выражающаяся в поиске нравственных основ, возрождении общечеловеческих ценностей. Герой Шаары преодолевает свое отчуждение, свое одиночество и, как и Роберт Джордан тридцать лет назад, осознает себя частью неделимого целого, которому готов служить до конца. «... сейчас он больше не был одинок: он стал частью не только армии, но расы, не только страны, но человечества»¹³.

В системе философии истории автора вопрос исторической правоты той или иной стороны отступает на второй план перед чудовищной сущностью братоубийственной бойни, для которой не могут служить оправданием самые высокие рассуждения об

исторической необходимости и предопределении. И потому резким диссонансом описанию поли брани, по которому полки южан медленно шли на приступ под огнем артиллерии противника, укрепившегося на вершине хребта, насмешкой звучит последняя фраза романа – «Завтра – четвертое июля», и ураганный дождь в конце романа спешит смыть грязь и позор бойни. Для Шаары историческая необходимость, оправданность и неизбежность войны не могут служить оправданием ее абсурда и антигуманности, ибо война превращает ангела в убийцу даже против его воли, заставляет брата затыкать телом брата прорыв в обороне (эпизод, которому в нравственно-философской системе романа Шаара придает большое значение). И потому вопрос исторической правоты обеих сторон писатель приводит к знаменателю, который есть Бог, который один все поймет и простит. Только Бог может судить об историческом промысле, только ему ведома цена поступков и проступков, и перед ним все равны. Христианская идея всепрощения, отчетливо прозвучавшая в конце романа, заставляет вспомнить другого прекрасного писателя, так же расставившего исторические акценты в оценке более поздней и более жестокой гражданской войны – Булгакова и его «Белую гвардию». Впрочем, у Шаары был, безусловно, американский источник подобного нравственного отношения к противоположным воюющим сторонам – знаменитая Геттисбертская речь Линкольна, в которой Линкольн, в разгар войны, призывал отдать должное и противнику и почтить его павших солдат с тем же почетом, что и солдат Союза.

Американскому историческому роману о Гражданской войне присуща общечеловеческая нравственная направленность, когда вопрос исторической правоты той или иной стороны отступает на второй план перед выявлением чудовищной сути войны, любой войны, перед развенчанием ее как средства решения политических конфликтов, что обеспечивает высокий нравственный потенциал американского исторического романа XX века. В изображении войны создатели американского исторического романа продолжают традиции Стивена Крейна, показавшего в «Алом знаке доблести» ее жестокость и бессмысленность, но также отвлекавшегося от ее высокого исторического предназначения. Исторический роман 30-х гг. подчеркнуто пацифичен. В американском историческом романе 20 – 30-х гг. теряется прогрессивная историческая роль Гражданской войны в жизни страны; война осуждается как способ решения политических проблем.

Роман Аллена прослеживает трансформацию одной из основных идей национальной мифологии – идеи мессианской роли США, в укоренение которой в массовое сознание внесли свой вклад историки Бэнкрофт, Фук, Махан. Аллен переосмысливает идею национальной исключительности. Он видит ее в том, что США предназначено стать оплотом мира во всем мире.

На консенсусе, а не на конфликте делает упор исторический роман США XX в.

Примечания

- ¹ Aaron D. An Unwritten War. American Writers and the Civil War. New York, 1973. P. XIII.
- ² Ibid. P. 340.
- ³ Scribner's Magazine. XXXV. Jan.-June. 1904. P. 764.
- ⁴ Aaron D. An Unwritten War. P. XVII.
- ⁵ Millett F.B. Contemporary American Authors. New York, 1944. P. 60.
- ⁶ Allen H. Action at Aquila. New York, 1938. P. 72-73.
- ⁷ Shaara M. The Killer Angels. New York, 1974. P. 126.
- ⁸ Ibid. P. 201.
- ⁴ Ibid. P. 325.
- ¹⁰ Ibid. P. 271.
- ¹¹ Ibid. P. 279-280.
- ¹² Ibid. P. 29-30.
- ¹³ Ibid. P. 175.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ